

Битвы Ярослава Мудрого: структура и стратиграфия летописного нарратива

С источниковедческой точки зрения структура текста, прошедшего в своем формировании ряд последовательных стадий, предстает как синхронная проекция истории этого текста. Подобно геологической породе, такой текст включает в себе информацию о всех этапах его создания. Эта информация откладывается, с одной стороны, в форме нарушений смысловой и грамматической связности текста, неизбежно возникающих при его переработке (фактических и идейных противоречий, дублирований, композиционных сбоев, анаколуфов и пр.), а с другой — в виде различий в языковых и литературных характеристиках фрагментов, созданных в разное время разными авторами. Структурные аномалии и формальная гетерогенность текста — таковы две категории данных, которыми оперирует *внутренняя реконструкция* как метод текстологического исследования, являющийся — вопреки традиционному недоверию к нему — полноценным дополнением к методу *сравнительной реконструкции*. Там, где возможности последней оказываются исчерпаны, именно внутренняя реконструкция берет на себя роль главного инструмента восстановления истории текста.

Из литературных памятников Киевской Руси самое широкое поле для применения этого комплексного инструментария представляет «Повесть временных лет» (ПВЛ). Ее текстологическое изучение переживает в настоящее время новый подъем. Еще совсем недавно попытки восстановить последовательность сложения текста Начальной летописи могли показаться зашедшими в тупик, а основанная А.А. Шахматовым научная парадигма, в рамках которой эти попытки предпринимались, — исчерпавшей себя¹. За последние десять лет положение резко изменилось: исследования по истории текста ПВЛ, выполненные в русле «шахматовского» направления, появляются одно за другим, демонстрируя — при сохранении естественного для данной области разброса мнений — также выработку общих позиций по ряду

принципиальных вопросов². Главным импульсом к такому оживлению проблематики стало осознание того обстоятельства, что структурные ресурсы, на которые может опереться стратификация ПВЛ, не только не исчерпаны, но использованы пока в очень ограниченной степени.

В настоящей работе мы попробуем применить структурный анализ к одному из наиболее запутанных узлов текстологии начального летописания, каким является история сложения рассказа о борьбе Ярослава Мудрого за киевский стол в 1015–1019 гг.

В «Повести временных лет» содержатся сведения о шести сражениях XI в. с участием Ярослава Владимировича. Ими являются:

1) битва 1016 г. при Любече на Днепре, в которой новгородско-варяжское войско Ярослава разбило киевское войско Святополка, после чего последний бежал в Польшу;

2) битва 1018 г. на Буге, в которой приведенное на Русь Святополком польское войско во главе с Болеславом Храбрым разгромило пришедшего из Киева Ярослава, после чего последний бежал в Новгород;

3) битва 1019 г. на Альте, в которой Святополк потерпел окончательное поражение от Ярослава, бежал и погиб «между Ляхы и Чехь»;

4) битва 1021 г. на р. Судомирь с Брячиславом, совершившим набег на Новгород;

5) битва 1024 г. при Листвене с Мстиславом Владимировичем, в которой Ярослав потерпел поражение;

6) битва 1036 г. с печенегами, напавшими на Киев.

Этот набор, представленный во всех списках ПВЛ, дополняет сообщение о еще одном, «безымянном» сражении Ярослава со Святополком, не описанном, но лишь упомянутом в Ипатьевском и Хлебниковском списках, где в конце статьи 1018 г., в соответствии с чтением Лаврентьевской летописи «и поиде Ярослав на Святополка и бѣжа Свя-

тополкъ в Печенѣгы»³ читается: «И поиде Ярославъ на Святополка, и побѣди Ярославъ Святополка, и бѣжа Святополкъ въ Печенѣгы»⁴. Кроме того, в летописях Новгородско-Софийской группы упоминается под 1017 г. еще одна битва с печенегами. Таким образом, полный перечень битв Ярослава, упоминаемых в русских летописях, насчитывает восемь сражений.

Среди них особое место занимает Любечская битва 1016 г., о которой сохранились два разных рассказа. Вторая версия, отличная от предлагаемой ПВЛ, читается в обоих изводах Новгородской 1-й летописи (НПЛ). До определенного момента эта версия в общих чертах совпадает с рассказом ПВЛ, но затем резко с ним расходится. Рубежом оказывается «укор», с которым воевода Святополка (в НПЛ названо его имя — Волчий Хвост) обращается к новгородцам, находящимся на другом берегу Днепра: «...что придосте с хромьцемъ симъ, о вы плотници суще, а приставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ»⁵. В ПВЛ эта речь вызывает у оскорбленных новгородцев решимость немедленно форсировать Днепр, стимулированную и начинающимся ледоставом («бѣ бо оуже в заморозь»). О Святополке сообщается, что он стоял меж двух озер и всю ночь пировал с дружиной. Войско Ярослава переправляется через Днепр на рассвете и, пристав к берегу, отталкивает от него ладьи, символически закрывая себе путь к отступлению. Начинается битва, в которой союзные Святополку печенеги не могут оказать ему поддержку, отделенные озером. Дружину Святополка оттесняют на тонкий лед озера, где она начинает тонуть. Ярослав одерживает победу, а Святополк бежит в Польшу.

В НПЛ с этим рассказом совпадают лишь две детали: упоминание о начале ледостава и о ладьях, оттолкнутых от берега после переправы. В остальном перед нами совершенно иное повествование, в котором нет ни пирующего Святополка, ни двух озер, ни печенегов, а ключевую роль играет человек Ярослава в стане Святополка, с которым Ярослав обменивается метафорически закодированными посланиями. Получив в такой форме совет, Ярослав вечером перевозится с войском через Днепр и нападает на врага ночью, приказав дружине повязать головы полотенцами, чтобы отличать своих от противника. Битва заканчивается до рассвета, Святополк

бежит к печенегам, Ярослав входит в Киев и, расплатившись с новгородцами, отпускает их домой.

Соотношение этих столь сильно различающихся рассказов составляет одну из главных загадок истории раннего летописания. В литературе давно уже стали общим местом суждения по поводу утраты начальных тетрадей Синодального списка НПЛ. Следовало бы, скорее, радоваться тому, что первый из сохранившихся листов этой бесценной рукописи донес до нас оригинальный рассказ НПЛ о Любечской битве. Сохранился этот рассказ только в младшем изводе, он, несомненно, был бы трактован в наши дни как плод «нарративного конструирования» новгородского сводчика XV в.⁶ К счастью, наличие рассказа в Синодальном списке не оставляет сомнений в его относительной древности, заставляя искать разгадку соотношения двух описаний в раннедревнерусской летописной традиции.

А. А. Шахматов, объясняя этот феномен, реконструировал два первоначально независимых друг от друга рассказа о Любечской битве — киевский, вошедший в Древнейший свод 1039 г., и новгородский, записанный еще раньше, около 1017 г. При этом окончание новгородского рассказа («и бѣжа Святополкъ въ Печенѣгы») он полагал отразившимся в ПВЛ под 1018 г., где (в ипатьевском тексте) упоминание «безымянной» битвы Ярослава со Святополком заканчивается той же фразой.

В целом история повествования Начальной летописи о борьбе Ярослава со Святополком представлялась Шахматову следующей:

1) в новгородской летописи 1017 г. читался рассказ о событиях 1015 г. в Новгороде, походе Ярослава на Киев, Любечской битве, награждении новгородцев и пожаловании им «правды и устава»;

2) независимым образом в Древнейшем Киевском своде были записаны рассказы о Любечской битве (в варианте, ныне читаемом в ПВЛ), битве на Буге и битве на Альте;

3) в Новгородском своде 1050 г. рассказ Древнейшего свода о Любечской битве и битве на Буге был вставлен внутрь повествования Новгородской летописи 1017 г. перед описанием сбора денег для найма варягов, в результате чего описание Любечской битвы оказалось продублированным; рассказ же об Альтской битве был сводчиком опущен;

4) в Начальном своде 1095 г. тексты Древнейшего свода (в редакции свода Никона 1073 г.) и Новгородского свода 1050 г. были контаминированы, при этом новгородский рассказ о Любечской битве сокращен до простого упоминания победы Ярослава;

5) в том же виде это повествование перешло и в ПВЛ;

6) в Новгородском своде 1167 г. (протографе Синодального списка и, через него, младшего извода НПЛ) текст основанной на Начальном своде ПВЛ был контаминирован с рассказом Новгородского свода 1050 г.⁷

Итак, по Шахматову, два исходных рассказа о событиях 1015–1019 гг. по меньшей мере трижды приходили в соединение друг с другом в гипотетических сводах XI–XII вв. Чрезвычайная сложность этого построения прямо проистекает из постулата о двух аутентичных древних описаниях Любечской битвы. Исходя из этого допущения, предложить более простое объяснение для соотношения текстов кажется в принципе невозможным. Это заставляло и заставляет исследователей искать решение задачи, отдавая приоритет какой-то одной из версий рассказа и признавая другую версию позднейшей, текстологически вторичной. Оба варианта такого выбора представлены в новейшей литературе вопроса.

Мнение о первичности описания битвы в ПВЛ в последнее время независимо друг от друга отстаивали Л. Мюллер⁸ и П.П. Толочко⁹. По мысли обоих исследователей, статья 1016 г. НПЛ на всем ее протяжении демонстрирует следы позднейшей переработки текста, представленного в ПВЛ, — как в рассказе о Любечской битве, так и в предшествующем рассказе о конфликте Ярослава с новгородцами и его сборах в поход на Святополка. Противоположную позицию занимает К. Цукерман¹⁰. Он считает, что статья НПЛ 1016 г. с тем окончанием, какое она имеет в Синодальном списке, донесла до нас первоначальный вид рассказа о событиях этого года, которым завершалось написанное в 1017 г. «Древнейшее сказание» — основа будущей ПВЛ. Версия рассказа о Любечской битве, представленная в ПВЛ, рассматривается Цукерманом как появившаяся одновременно с повествованием о дальнейшей борьбе Ярослава со Святополком, впервые описанной лишь в Начальном своде 1090-х гг. Точку зрения Цукермана разделил С.М. Ми-

хеев, с той разницей, что редактуру и продолжение Сказания он относит не к Начальному своду, а к своду 1070-х гг.¹¹

Какой из двух точек зрения следует отдать предпочтение? Вопрос этот имеет смысл решать отдельно для двух частей статьи 1016 г. НПЛ, по-разному соотносящихся с текстом ПВЛ: (А) с начала статьи до слов «И нача Дньѣпръ мръзнути», (Б) со слов «И бяше Ярославу мужь в приязнь у Святопѣлка» до конца статьи.

Относительно отрезка А есть все основания согласиться с исследователями, считающими первичным на данном участке рассказ НПЛ. Подробное обоснование этого положения принадлежит П.В. Лукину¹². Принципиально важным представляется также тезис, согласно которому этот рассказ не просто первичен по отношению к ПВЛ, но восходит к памятнику, более раннему, чем Начальный свод конца XI в., текст которого еще не был поделен на годовые статьи¹³. Механизм привлечения этого источника при составлении протографа НПЛ убедительно реконструирован С.М. Михеевым. Составитель этого протографа (Новгородского свода Мстислава 1115 г.) располагал текстом Начального свода, обрывавшимся в статье 1015 г. посередине рассказа об убийстве Глеба, и краткими выписками из продолжения Начального свода начиная с 1016 г. Рассказ об убийстве Глеба и открытии его мощей был продолжен им на основе списка «Сказания о Борисе и Глебе». После этого сводчик обратился к кратким выпискам и переписал первую из них: «В лѣто 6524. Бысть сѣца у Любца, и одолѣ Ярославъ». Однако затем он изменил свой план, решив рассказать о событиях того года более подробно. С этой целью им и был привлечен древний текст, не поделенный на годы. Как показывает С.М. Михеев, этот древний текст еще не содержал рассказа об убийстве Святополком Бориса и Глеба и представлял поход Ярослава на Святополка не как акт мщения за убитых братьев, но как экспедицию с целью захвата киевского стола.

Обращаясь к отрезку Б, заметим, что П.В. Лукин, доказывая первичность текста НПЛ в рассказе о событиях в Новгороде и сборах Ярослава в поход, не стал распространять этот вывод на рассказ о Любечской битве. К признанию текста НПЛ первичным и на этом отрезке имеются серьезные препятствия, указанные Л. Мюллером, отметившим большую органичность рассказа в ПВЛ. В

обеих летописях воевода Святополк Волчий Хвост провоцирует новгородцев своими оскорблениями. Но если в ПВЛ провокация вызывает немедленную реакцию новгородцев, то в НПЛ она как будто повисает в воздухе. Аналогично обстоит дело и с упоминанием замерзающего Днепра: в ПВЛ данная деталь отзывается в дальнейшем повествовании упоминанием тонкого льда, не выдержавшего тяжести Святополковой дружины, в НПЛ она оказывается никак функционально не нагруженной. Создается впечатление, что на отрезке Б НПЛ передает какой-то другой текст, не являющийся прямым продолжением отрезка А.

К. Цукерман находит доводы Л. Мюллера неубедительными, считая, что речь Волчьего Хвоста и замерзающий Днепр хотя прямо и не получают продолжения в тексте НПЛ, имеют сюжетный смысл и без этого¹⁴. Слабость такой позиции кажется, однако, очевидной. Перед нами все же не документальная хроника, а литературный нарратив. И если в описании двух последовательных битв — на Днепре и на Буге — представлена одна и та же связка: «провокация и немедленная реакция на нее», — то искусственно полагать, будто в исходном рассказе о первой битве упоминалась лишь провокация, а реакция была «дописана» шестьдесят (по Михееву) или даже восемьдесят (по Цукерману) лет спустя, одновременно с появлением второго эпизода. С другой стороны, как справедливо заметила Н.И. Милютенко в рецензии на работу К. Цукермана, историческая достоверность описания в ПВЛ битвы на Буге (включая и перебранку перед боем) подтверждается свидетельством Титмара Мерзебургского, что заставляет исключить мысль о позднем происхождении этого описания¹⁵. Позиция Л. Мюллера, относящего описания двух битв в ПВЛ к одному текстологическому пласту, кажется и с этой точки зрения предпочтительной.

В противоречие с этой позицией вступает, однако, пассаж о награждении Ярославом новгородцев после одержанной победы. В НПЛ он очевидным образом перекликается с речью, которую Ярослав произносит, сокрушаясь об истребленных им в гневе новгородских воинах: «Любимая моя и честная дружина, юже вы исѣкохъ вчера въ безумии моемъ, не топѣрво ми ихъ златомъ окупитѣ»¹⁶. В сочетании с последующей просьбой поддержать его в борьбе за Киев эти слова однозначно прочитываются как обещание компенсации и вознаграждения, которое нов-

городцы и получают, согласно НПЛ, после Любечской битвы. В ПВЛ о награждении новгородцев нет ни слова.

Возникает парадокс: оба варианта рассказа о Любечской битве, каждый по-своему, претендуют на первоначальность. Вариант, представленный в ПВЛ, органически продолжает текст отрезка А, но оставляет незавершенной тему расплаты с новгородцами. Вариант, представленный в НПЛ, содержит логическое завершение этой темы, но плохо стыкуется с отрезком А, оставляя незавершенным мотив провокации.

В этой патовой ситуации имеет смысл обратиться к анализу структуры обоих вариантов и рассмотреть ее на фоне описаний других битв Ярослава. Результаты этого анализа сведены в таблице, где перечислены структурные элементы, общие хотя бы для двух из шести описаний.

Как видно из таблицы, оба варианта описания Любечской битвы переплетены общими структурными элементами с рассказами о других битвах Ярослава.

Элемент «провокация и ответ на нее» объединяет киевский вариант описания Любечской битвы с описанием битвы на Буге. Элемент «пир» (по разному реализованный) объединяет киевский вариант описания Любечской битвы с новгородским вариантом. Элемент «битва ночью» объединяет новгородский вариант рассказа о Любечской битве с рассказом о Лиственской битве. Элемент «одежда» объединяет те же два описания (убрусы новгородцев, золотая «луда» Якуна). Элемент «внешность полководца» объединяет киевский вариант описания Любечской битвы с описаниями битвы на Буге и Лиственской битвы. Элемент «ладьи» (мотив рассекаемых или отталкиваемых от берега ладей) объединяет оба варианта рассказа о Любечской битве с описанием битвы на Буге. Элемент «обращение к дружине» является общим для новгородского рассказа о Любечской битве и описаний битвы на Буге и Лиственской битвы. Элемент «деньги (сбор средств / награждение)» объединяет продолжение новгородского рассказа о Любечской битве с рассказом о сборах Ярослава в Новгороде после поражения на Буге. Элемент «подготовка к битве», выражаемый глаголом «испълчити(ся)», объединяет киевский вариант рассказа о Любечской битве с описаниями битвы на Буге, Лиственской битвы и битвы с печенегами 1036 г. Элемент «диспозиция

Элементы текста	Любеч, ПВЛ 1016	Любеч, НПЛ 1016	Буг, 1018 ¹⁷	Альта, 1019	Листвен, 1024	Киев, 1036
Ночь		+			+	
Пир	+	+				
Лады	+	+	+			
Деньги		+	+			
Провокация	+		+			
Исполчи(ся)	+		+		+	+
Дружина	+	+	+		+	+
Рече к дружине		+	+		+	
Диспозиция	+				+	+
Одежда		+			+	
Внешность	+		+		+	
Воевода	+		+		+	
До света / к вечеру		+		+		+
Поидоша	+	+		+	+	
Сступишася	+			+	+	+
Сеча зла	+	+		+	+	+
Всего элементов	11	10	8	4	11	6

войск» объединяет киевский вариант рассказа о Любечской битве с описаниями Лиственской битвы и битвы с печенегами.

Замечательно, что вне перечисленных связей, объединяющих описания битв попарно, по три и по четыре, оказывается битва на Альте. Элементы, объединяющие это описание с другими, конечно, также имеются, однако относятся к числу наиболее стандартных. Это формулы «поидоша (противу собѣ)», «сступишася», «бысть сѣча зла»¹⁸. Единственной более специфичной чертой данного описания, повторяющейся в кругу рассмотренных батальных сцен, является упоминание о завершении битвы к вечеру («к вечеру же одолѣ Ярославъ», ср. в описании битвы с печенегами: «и одва одолѣ к вечеру Ярославъ»; ср. в новгородском описании Любечской битвы: «до свѣта побѣдиша Святополка»). Особенно показательным, что в описании Альтской битвы отсутствует элемент, объединяющий все пять остальных эпизодов и, так сказать, цементирующий «воинский текст» Ярослава, — упоминание дружины.

Структурный анализ привел нас, таким образом, к группировке битв Ярослава, отличной от той, какую в равной степени предполагают схемы Шахматова, Мюллера — Толочко и Цукермана — Михеева. Исходя из всех трех схем мы вправе были бы ожидать структурной специфики новгородского варианта рассказа о Любечской битве. Между тем последний оказывается при ближайшем рас-

смотрении плотью от плоти литературной манеры, в которой выдержаны описания всех битв Ярослава и от которой отклоняется лишь описание Альтской битвы¹⁹.

Для стратиграфии текстов из этого вывода проистекает двоякое следствие. Во-первых, структурная особенность описания битвы на Альте, в которой Ярослав представлен как мститель за кровь убитых братьев, хорошо согласуется с уже упомянутым тезисом С.М. Михеева о том, что первоначальный рассказ об усобице сыновей Владимира вообще не упоминал о преступлении Святополка. Во-вторых, полная литературная однородность двух вариантов рассказа о Любечской битве с описаниями битв на Буге и при Листвене позволяет поставить вопрос так, как он до сих пор не ставился в литературе: действительно ли эти два описания, каждое из которых, как мы уже видели, по своему обнаруживает признаки первоначальности, суть варианты рассказа об одном и том же событии? Не представляет ли текст НПЛ соединения рассказов о двух разных битвах?

Такая постановка вопроса заставляет еще раз вспомнить о «безымянной» битве Ярослава, упоминание которой под 1018 г. в Ипатьевской летописи А.А. Шахматов трактовал как оторванное от своего первоначального контекста окончание новгородского рассказа о Любечской битве. Сугубая краткость этого упоминания, контрастирующая с полнотой описаний других битв Ярослава со

Святополком, а также отсутствие слов «и побѣди Ярослав Святополка» в лаврентьевском тексте не могут не вызвать сомнения в принадлежности фразы архетипу ПВЛ. Это сомнение, однако, можно уверенно отвести. Помимо Ипатьевской летописи фраза представлена также в выдержках из ПВЛ, включенных в Сильвестровско-Минейную редакцию «Сказания о св. Борисе и Глебе», в которой, как убедительно продемонстрировала Т. Вилкул, ПВЛ была использована в списке, свободном от специфических ошибок лаврентьевской и ипатьевской групп²⁰. Совпадение с этой особой версией — надежный индикатор первоначальности чтения.

В оригинале ПВЛ присутствовали, следовательно, четыре битвы Ярослава со Святополком: Любечская (1016), на Буге (1018), «безымянная» (1018) и Альтская (1019). Не странно ли, что рассказ о Любечской битве дошел до нас в двух вариантах, тогда как от «безымянной» осталось лишь глухое упоминание? Не означает ли это, что текст, который мы привыкли рассматривать как новгородский вариант рассказа о Любечской битве, есть в действительности не что иное, как сокращенное в ПВЛ описание «безымянной» битвы 1018 г.? В таком случае неорганичность рассказа НПЛ о Любечской битве получает, наконец, объяснение: между лишним продолжением упоминанием начала ледостава и фразой «и бѣше Ярославу мужь в приязнь у Святополка» новгородским редактором выпущен большой кусок текста.

Как можно заметить, сделанное предположение возвращает нас — на новом витке спирали — к идее Шахматова, относившего слова «и бѣжа Святополк в Печенѣгы» в НПЛ и ПВЛ к одному и тому же бегству Святополка²¹. Однако бегство это, на наш взгляд, имело место не после Любеча (откуда Святополк бежал в Польшу), а после «безымянной битвы», описанной в ПВЛ под 1018 г. В переосмыслении нуждается и следующее наблюдение ученого. Реконструируя новгородский рассказ о Любечской битве, Шахматов исключил из него упоминание о переправе войск Ярослава через Днепр, которое он возводил к киевскому рассказу: «И разумѣ Ярославъ, яко въ нощи велить съѣзися <И томь вечерѣ перевозися Ярославъ съ вои на другыи поль Дънѣпра, и лодье отъринуша от берега>. И той нощи поидоша на съцо...»²² Предполагая такую контаминацию двух опи-

саний, Шахматов не ставил под сомнение их кореферентность, будучи уверен в том, что речь идет об одной и той же битве. Между тем без эпизода переправы новгородский вариант окончательно утрачивает сходство с киевским и может с полным основанием трактоваться как рассказ о другом сражении.

Подводя итог, подчеркнем главное, в чем наша стратификация «батального текста» Ярослава Мудрого отличается от ранее предложенных. А. А. Шахматов предполагал за двумя летописными описаниями Любечской битвы два древних и независимых друг от друга рассказа об этом событии. Его критики и продолжатели противопоставляли эти описания как первоначальное и отредактированное. Мы же считаем, что два описания, соединенных в тексте НПЛ, изначально относились к двум разным битвам. Базирующаяся на этом положении схема истории текста оказывается принципиально проще шахматовской, позволяя в то же время обойтись без противоречий, свойственных другим рассмотренным построениям. Схема эта заключается в следующем.

Первоначальное повествование об усобице сыновей Владимира включало описания трех битв Ярослава со Святополком — при Любече, на Буге и в неизвестном нам месте, — выдержанные в одной и той же литературной манере. Обе победы Ярослава были одержаны благодаря новгородцам, которые после второй из них были награждены. Святополк после первого поражения бежал в Польшу, откуда вернулся с Болеславом, а после второго — к печенегам; более о нем ничего не сообщалось.

Составитель свода 1070-х гг., внесший в летопись рассказ об убийстве Святополком святых Бориса и Глеба, сконструировал финальную битву Ярослава со Святополком — на Альте, в месте гибели Бориса, после которой убийца бежал и бесславно погибал «между Ляхы и Чехы». Поскольку вторая битва со Святополком оказывалась в этой ситуации функционально излишней, сводчик, не желая перегружать свое повествование батальными сценами, сократил ее, сведя к простому упоминанию, которое потом было и вовсе устранено в протографе лаврентьевской группы. Вместе с описанием битвы было опущено и сообщение о награждении Ярославом новгородцев.

Составитель Новгородского свода 1115 г. — протографа НПЛ, независимым образом ис-

пользовавший первоначальный рассказ, также сократил его, однако иначе — объединив две победы Ярослава в одну и устранив разделявший их рассказ о битве на Буге и последовавших за ней событиях. Из истории борьбы Ярослава со Святополком, в ходе которой военная удача дважды переходила из рук в руки, сводчик сделал единый рассказ о том, как новгородцы возвели Ярослава на киевский стол²³.

Как видим, трансформации повествования о битвах Ярослава Мудрого в летописании XI — начала XII в. сводятся в этой схеме к двум простым и имеющим понятные мотивировки манипуляциям с одним исходным текстом. Более точное определение объема этого текста и его места в процессе начального летописания должно составить предмет особого исследования.

Работа выполнена в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Сендерович С.Я.* Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1. С. 461–499.

² См. из последних работ: *Цукерман К.* Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-Глебский сборник. *Collectanea Borisoglebica*. Paris, 2009. С. 184–305; *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. Общий обзор новейших исследований, посвященных стратификации текста ПВЛ, см.: *Гинтиус А.А.* До и после Начального свода: Ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М., 2012. С. 37–62.

³ ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926. С. 144.

⁴ Там же. Т. 2. СПб., 1908. С. 131.

⁵ Там же. Т. 1. С. 142; ср.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 15, 175. Далее — НПЛ.

⁶ Уже после того, как статья была сдана в печать, вышла работа В.Ю. Аристова, в которой рассказ НПЛ трактуется как плод творчества новгородского летописца, правда не XV, а второй половины XIII в. (*Аристов В.Ю.* Любечская битва 1016 р. в раннем летописании (до дискуссии навколо ідеї О.О. Шахматова) // Український історичний журнал. 2013. № 1. С. 147–164). Не имея сейчас возможности критически разобрать это построение, замечу лишь, что предлагаемое ниже решение кажется мне более экономным,

позволяя избежать атрибуции рассказа о событиях начала XI в. книжнику, работавшему два с половиной столетия спустя.

⁷ *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1, кн. 1. СПб., 2003. С. 352–339, 395–398, 437–440.

⁸ *Müller L.* Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb (6) // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2006. Bd 64, Heft 2. S. 245–278.

⁹ *Толочко П.П.* Ярослав Мудрый. Киев, 2011. С. 53–59.

¹⁰ *Цукерман К.* Наблюдения над сложением... С. 243–252.

¹¹ *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? С. 111–113, 240–243. В более ранней работе С.М. Михеев оценивал соотношение текстов иначе (ср.: *Михеев С.М.* «Святополкъ съде Киевѣ по отци». Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009. С. 119–149).

¹² *Лукин П.В.* События 1015 г. в Новгороде: К оценке достоверности летописных сообщений // Отечественная история. 2007. № 4. С. 3–20.

¹³ *Михеев С.М.* «Святополкъ съде Киевѣ по отци». С. 28–39.

¹⁴ *Цукерман К.* Наблюдения над сложением... С. 250–251. Сходным образом рассуждает и С.М. Михеев, замечая, что «и текст Новгородской I летописи в принципе можно понять так, что нападение Ярослава и новгородцев было, пусть и не мгновенной, но реакцией на слова Волчьего Хвоста» (*Михеев С.М.* «Святополкъ съде Киевѣ по отци». С. 37).

¹⁵ *Милютенко Н.И.* Борисо-Глебский сборник — 1 (Борисо-Глебский сборник / Ред. Константин Цукерман. *Collectanea Borisoglebica*. Paris, 2009. Вып. 1) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2011. № 1(43). С. 120.

¹⁶ НПЛ. С. 174–175.

¹⁷ Описание битвы на Буге условно объединено с продолжающим его рассказом о бегстве Ярослава в Новгород и сборах нового войска.

¹⁸ Заметим, что в описании битвы на Буге эти стандартные элементы отсутствуют, зато наличествует целый ряд более специальных черт, объединяющих данное описание с другими.

¹⁹ Свообразие этой манеры верно подметила Н.И. Милютенко, трактовав ее как литературную особенность Древнейшего свода (*Милютенко Н.И.* Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод) // *Rossica Antiqua*. СПб., 2006. Т. 1. С. 158–159). Такая трактовка, однако, не объясняет, почему черты той же манеры выступают и в описании Любечской битвы в НПЛ, которое Милютенко, вслед за Шахматовым, возводит к Новгородской летописи 1017 г., никак с Древнейшим сводом не связанной. На литературное сходство этого описания с описаниями других битв Ярослава (в первую очередь — Лиственской) указы-

вает и П.П. Толочко (см.: *Толочко П.П.* Ярослав Мудрый. С. 55–56), считающий, что новгородский летописец XII в. писал свою версию Любечской битвы, ориентируясь на текст ПВЛ. Свидетельство этому Толочко видит, в частности, в заимствовании новгородским рассказом целых фраз из рассказа об Альтской битве. Эти заимствования, однако, имеются лишь в младшем изводе НПЛ и единодушно рассматриваются исследователями как вставки в первоначальный текст, представленный в Синодальном списке. Другие же примеры, приводимые П.П. Толочко, демонстрируют лишь сходство описаний, а не литературную вторичность какого-либо из них.

²⁰ *Вилкул Т.* Летописные вставки из Повести временных лет в Сильвестровско-Минейной редакции «Сказания о св. Борисе и Глебе» // *Ruthenica*. 2006. Т. V. С. 37–72.

²¹ *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 439.

²² В таком виде, заметим, текст становится и более логичным, поскольку устраняется странный

в описываемой ситуации временной зазор между вечерней переправой (которая не могла быть осуществлена незаметно для противника) и ночным нападением.

²³ Составитель Новгородского свода 1167 г. — протографа младшего извода НПЛ пошел еще дальше, включив в уже контаминированное описание фразы из рассказа об Альтской битве, заимствованные, по всей вероятности, из паремийных чтений о св. Борисе и Глебе. Заметим, что в самих паремийных чтениях, основанных на тексте ПВЛ, мы видим еще один вариант «сокращения» истории борьбы Ярослава со Святополком: собрав войско в Новгороде, Ярослав, согласно чтениям, сражается со Святополком на Альте (см.: *Гиппиус А.А.* «Летописные» паремийные чтения о Борисе и Глебе: история текста и исторический контекст // *Факты и знаки. Исследования по семиотике истории.* Вып. 2. М., 2010. С. 42–71).